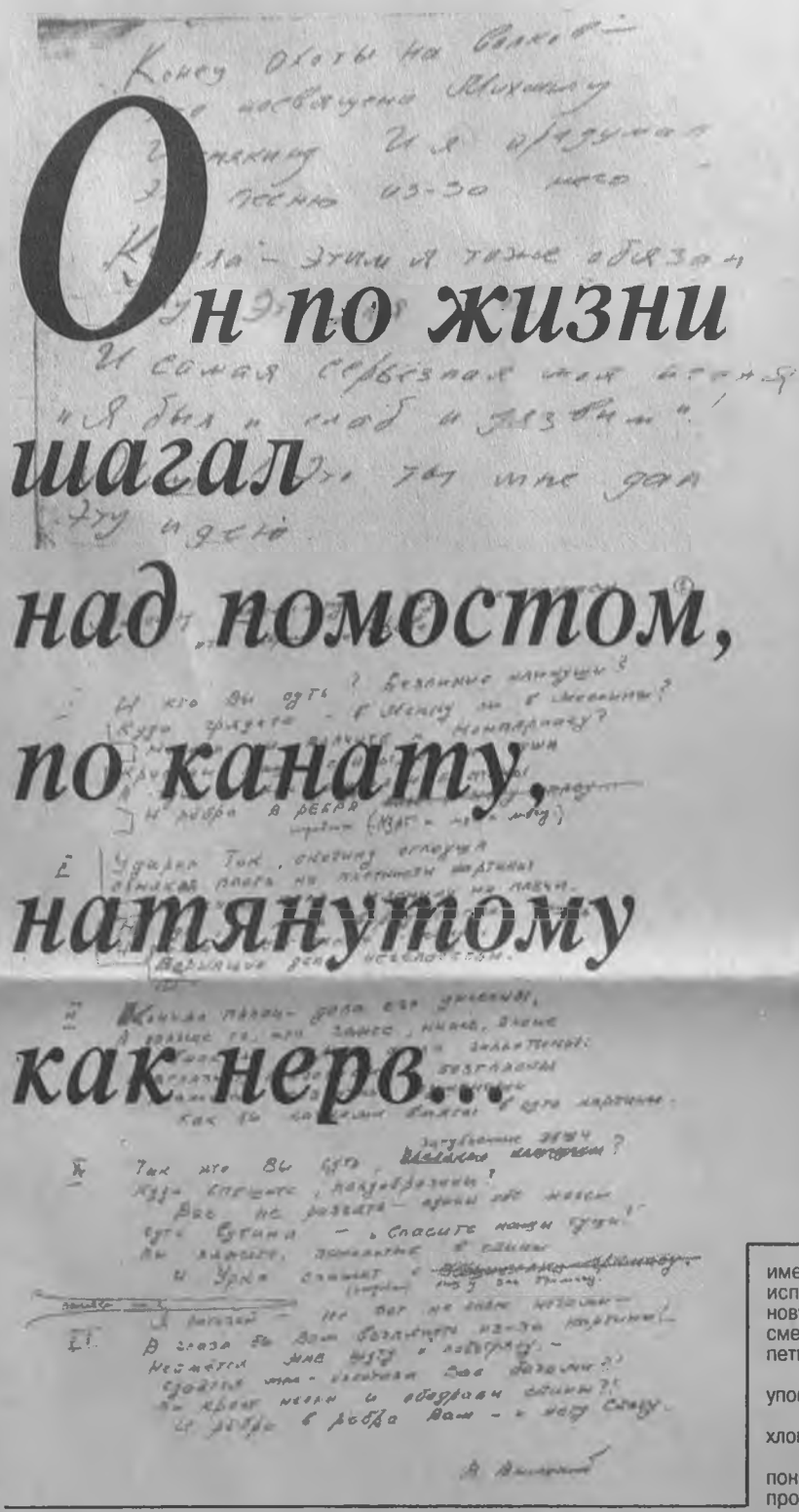

Одним из самых значительных произведений Владимира Высоцкого является песня под названием "Ошибки вышла". Она была создана после того как я часто рассказывал Володе о репрессиях против петербургской интеллигенции в начале 60-х годов. Я сам находился в печально известной клинике Осипова, куда меня перевели из психбольницы Скворцова-Степанова, той самой, где в свое время находился на лечении Николай Васильевич Гоголь. Тогда по сути, это был огромный военно-медицинский госпиталь, в котором существовало два блока, выделенных под психиатрию. Там над людьми проводили совершенно ужасающие эксперименты. Я никогда не забуду, как меня и, впрочем, многих других, привозили в специальную комнату, привязывали к кровати, подсоединяли к голове и телу электроды, делали инъекцию, надевали наушники и после того, как перед кроватью устанавливали шит с огромным количеством лампочек, — тушили свет.

Михаил Шемякин и Владимир Высоцкий. Париж, 1978. Фото П. Бернара.

В темноте с огромной скоростью начинали мигать лампы и где-то из глубины раздавался голос. Несмотря на всю трагичность ситуации, на меня это производило несколько комичное впечатление. Дело в том, что исполнитель, скорее всего, в силу своей безграмотности просто коверкал слова и ставил неправильные ударения. В моем случае по голове были неправильные имена Пикассо, Сальвадора Дали и названия "абстрактной живописи". Вслед за этим, что, наверное было самым смешным, громыхала "Родина-мать". Вот такими шумовыми шоками пытались на меня воздействовать.

В свою очередь Володе приходилось бывать в психиатрических и в России и во Франции, но сам он никогда не сталкивался с изощренным садизмом врачей и уголовников-санитаров. Не знал он и о многочисленных попытках людей, находящихся в психиатрических, покончить жизнь самоубийством. Помню, Володе буквально потряс рассказ об одном взбунтовавшемся вояке, который, не выдержав пыток, отвернувшись к стенке и, зажав яблоки в рот, задохнулся. Высоцкий во время своего лечения находился, если можно так выразиться, в более "веселой" компании алкашей и наркоманов.

И вот как-то Володя приехал ко мне домой прямо из аэропорта Орли (большая часть из именно так и поступал — ехал сначала ко мне, а потом уже — к Марине) и, как он это часто делал, взял гитару, поставил на палитру текст, надел очки и начал петь.

...Убрали свет и дали газ, Доска какая-то зажалась, И гномом брызнуло из глаз, И булькнула трава. И он заерз, ахнул и жстас. Приволокли зачем-то паз. Я видел это как-то раз — фильм в качестве трофея...

Вообще, должен сказать, даже сам не знаю почему, мои рассказы производили на Володю очень сильное впечатление. Удивительно, что некоторые вещи из своих творений он никогда не пел. Однажды я рас-

сказал ему историю об одном моем молодом загуле. Для меня это повествование было очень печальным, но Володя почему-то дико хохотал. Потом, спустя некоторое время, он пришел и торжественно продекламировал:

— Мишка, это не поется, это только читается. Это настоящая поэзия. И он прочел мне "Осторожно! Гривил". То же самое было и с "Тушиношами" и со стихотворением "Две просыбы". Это то, что начинается.

"Мне снятся крысы, хоботы и черти. Я Гоню их прочь, стена и браня..."

В самом начале 80-го года Володя вместе с Мариной Володиной пришли ко мне в мастерскую. Он был слишком серьезен и не очень весел. Я помню, что незадолго до этого мы говорили с ним о Римском Папе, потом разговор переключился на вторжение в Афганистан. В тот вечер Володя исполнил потрясающую песню. Тогда мне не удалось ее записать и больше я ее никогда не слышал. Скорее всего, Во-

лодя ее просто больше никогда не показывал. Я запомнил только две строки: "Ему не страшно, он в сутане, А нинче смерть в Афганистане..."

Марина как-то восторженно, скупилась и быстро увела Володю. А потом у него произошел очередной срыв.

Возможно, реакцию Марины можно объяснить ее принадлежностью к компартии. Причем, это было не просто увлечение. Как-то раз она попросила меня и одного моего приятеля помочь ей при переезде в тот самый престижный пригород Парижа, который Володя очень недолго любил. Среди прочего мне довелось таскать увесистые "Полные Собрания Сочинений" Маркса, Энгельса и, конечно же, Ленина. Этот штрих, наверное, может пояснить многое.

Вообще, последние годы жизни Володе с Мариной было очень нелегко. Она часто устраивала ему скандалы, выгоняла из дома, один раз даже выбросила его чемоданы на улицу. Вот тогда-то Володя и подбил меня на один из самых страшных наших загулов.

Я вовсе не трезвенник, но с Володей у нас получалось все как-то странно. Когда на меня нападало бахусное настроение, Володя не пил вообще. Когда же гулял Володя, я — не брал в рот ни капли. Таким вот, может быть, несколько необычным образом мы пытались блюсти друг друга. Так появилась на свет Володина песня "Французские бесы".

"Уж влага из ушей лилась, все чушь глупее чуши, Но скрипки снова эту мразь заталкивали в души. Армян в браслетах и сергах икрой кормили где-то, А дру мой в черных сапогах стрелял из пистолета."

Увы, так оно и было. Друг — это я, а действительно стрелял. Интересно продолжение этой истории. После того, как Володя вернулся в Москву, к нему вскоре приехала Марина. Буквально в первый же день он показал (Володя говорил что он

именно показывает, а не повт и не исполняет свои песни) ей эту свою новую песню. Слушая ее, она громко смеялась, но когда Володя закончил петь, она с возмущением сказала: — Я страдала, и ты ни словом не упомянул обо мне...

Затем она собрала чемоданы, хлопнула дверью и улетела в Париж. Я знаю, что Володя часто не мог понять поведение Марины, а то, что произошло после его смерти, вообще не поддается никакому объяснению. В своей книге она оскорбила буквально всех близких Володе: его родителей, его детей Никиту и Ариадну и меня тоже. Среди прочего, она говорила:

— Я никогда не понимала что их связывает. Разве что талант и любовь к выпивке...

Как такое можно было сказать? Прежде всего — это не так уж и мало, ну, а кроме того, Марина скорее всего просто не захотела говорить о нашей дружбе. Наверное, она просто ревновала.

После Володиной смерти она заявила, что больше всего боится, что из него сделают национального героя. Видимо, подосознательно она завидовала таланту и популярности Высоцкого. Именно подосознательно, потому что при всех тех сложных отношениях она действительно безумно любила его, боготворила и сделала очень многое для того, чтобы продлить его жизнь. Володя это прекрасно знал и осознавал. Одно из последних своих стихотворений он посвятил ей:

И сижу лед, и сверху — маюсь между: Пробрить ли верх или пробуровать низ? Конечно, всплыть и не терять надежду, А там — за дело, а ожиданьи виз.

Лед надо мною — надломил и треснул! Я весь в поту, как пахарь от сохи. Вернусь к тебе, как корабль из пещи, Все памяти, даже старые стихи.

Мне меньше полувек, сорок с лишним. Я жив, двенадцать лет тобой храним. Мне есть что спеть, представ перед Всевышним, Мне есть чем оправдаться перед Ним.

И все же, несмотря на эту привязанность к Володе, Марина до сих пор, то ли в силу своего непонимания, то ли в силу своей французскости продолжает чинить всякие препятствия попыткам увековечить память Володы.

Восемь лет назад ко мне обратился мой приятель Мони Яким, полумериканец-полужидыш, — вот уже два года он работает над постановкой музыкального спектакля о Высоцком для серьезного нью-йоркского театра. Он попросил меня посодействовать в получении разрешения на перевод Володиных текстов. Его вдова Люся Абрамова и сыновья сразу же согласились, а вот Марина — отказалась. Не понимаю я этого.

В последнее время в России говорят о том, что творчество Высоцкого устарело, что стихи его потеряли актуальность, что многие его песни уже не слушают. Какая чушь, ведь большинство его произведений навсегда останутся в поэзии! Мне кажется, что все его творения как никогда были актуальны и в период перестройки и сейчас — тоже. Помню, ничуть не меньше, чем песни Саши Галкина, Окуджавы. И все их творчество должно играть сейчас не менее важную роль, чем в годы начала "гласности". Эти творения должны остаться навсегда. Интересно, что о Володе знают практически во всем мире. В октябре 93-го года в итальянском городе Сан-Ремо с большим успехом прошел фестиваль Высоцкого. Там же выступили прекрасные лагерьный диск, где итальянские певцы в своей собственной интерпретации исполняют песни Володы. В Швеции существует Театр Высоцкого. В Израиле о нем сняли фильм.

Я знаю, что к Франции Володя относился неоднозначно, а вот Америка произвела на него потрясающее впечатление. Помню как он приехал в Париж после Нью-Йорка и был в совершенном возбуждении, все время рассказывал о том, как ему здесь понравилось, говорил, что Америка — это для нас, что это страна динамики, энергии, возможностей. С упоением рассказывал о встрече с Бродским, перед которым, кстати, очень комплексовал. Когда он вспоминал о том, что Иосиф подарил ему книжку с дарственной надписью, назвав его настоящим поэтом, он чуть не плакал от радости в моей парижской мастерской.

Вообще, отдавая ему должное,

стоит упомянуть и о том, что он ни к кому не испытывал зла. Даже к тем, кто принимал его достоинство, пытался унасекомить. Прекрасно помню рассказанную Володей историю о Вознесенском. Пригласив в свой московский дом большую компанию, среди которой был и Андрей Андреевич, и почти вся труппа цыганского Театра "Ромэн", Володя впервые исполнил "Баньку по-черному". Люди плакали. А Вознесенский, подойдя к Володе, объявляя его и, запакинувшись своим знаменитым белым шарфом, сказал:

— Растеши шарфик, растеши...

То же самое и Евтушенко. Он часто, выпячивая грудь, вещал о том, что это он познакомил Марину с Володей, что именно благодаря ему они поженились и он помог им с устройством свадьбы. Через некоторое время я поинтересовался об этом у Володы. Тот горько усмехнулся и рассказал как все это происходило на самом деле. Володя где-то выступал, показывал песни. Марина была в зале и восторженно слушала, а Евтушенко стоял рядом с ней. Высоцкий действительно попросил его познакомиться их. Евтушенко сказал незабываемую фразу:

— Вот наш гениальный певец. Такой неказистый, невзрачный на вид, маленького роста, а на сцену выходит — гигант!

Кстати говоря, Марина, женщина нормального среднего роста, постоянно подчеркивала "низкост" Володы. Не знаю уж — из-за этого или нет, но как-то Володя, приехав ко мне в Париж, с огромным воодушевлением начал рассказывать о прочитанном им в журнале "Вокруг света" сообщении об острове Неиспользуемых возможностей. По его словам, где-то в океане находилась мистическая точка, где можно было добиться невозможного. Например, вырасти до ста девяти сантиметров и выше. И он всерьез предложил мне туда поехать. Выслушав его, я возражал:

— А вдруг получится так, что у тебя вырастет только нос? Или ухо? Или одна нога? Володя как-то смик и сказал: — Да, пожалуй не стоит туда ехать...

Года за полтора-два до смерти он все сетовал на какую-то безысходность, серяину, усталость от театра. Он был очень плох — болел. И физически, и морально, и психически. Во время одного такого загула в Марселе его жестоко избили. Это было во время гастрольного тура. Бывали случаи, что в Париже приходилось вызывать санитаров и ему одевали смиренную рубашку и увозили в больницу.

Наша последняя с ним встреча произошла в июне 80-го года. Приблизительно за месяц до его смерти. И без того тяжелые отношения с Мариной еще больше обострились. Незадолго до этого она увезла его на остров, в замок своей сестры и планировала пробыть там с ним целый месяц. Он очень хотел взять меня с собой, но Марина сделала все, чтобы этого не произошло. И вот, буквально через неделю, он появился у меня в Париже. Выглядел он ужасно, осунулся, сник.

— Миша, эта была самая страшная неделя в моей жизни. Я впервые

понял, что двоечество может быть страшнее одиночества. Я прекрасно помню этот день. Жил я тогда возле Сены. Стояла приятная прохладная погода. По небу плыли смешные облака, а по Сене шли небольшие кораблики. Все это напоминало Петербург шестидесятых. Я подошел к Володе и сказал: — Постараемся жить назло всем.

— Постараюсь... — ответил он. И тут подошло такси, увозящее его в никуда.

Вообще, с такси у меня была связана еще одна история.

Петербург. 1971 год. Я знал, что меня выдворят из России. В КГБ мне поставили условие, что о моем отъезде никто не должен знать — даже мои родители. И вот, прощаясь с отцом, я запомнил его садящимся в такси. В фуражке и офицерской шинели. Запомнил. И сделал для себя такой стоп-кадр. Больше я отца не видел.

С Володей произошло то же самое. Он стоял в желтой кожаной куртке и открыл дверь желтого парижского такси. Стоп-кадр. Все. Практически в тот же день я уехал в Афины и находился там в то время, когда умер Володя. Моя приятельница, знавшая его и знавшая о нашей дружбе, четыре дня не решалась сказать мне о Володиной смерти. Только потом я понял, что она меня к этому готовила. Когда она все же решила сообщить мне о кончине Высоцкого, она лишь начала говорить, — я спросил ее:

— Володя? Она заплакала и положила перед мной выпуск "Фигаро" четырехдневной давности.

Я вернулся в Париж и в своей мастерской нашел записку от своего друга Володи Высоцкого:

Михаилу Шемякину — чьим другом посчастливилось быть мне! Как зайдешь в бистро-столовку, По пивку ударишь, — Вспоминай всегда про Вовку: — Где, мол, — друг-товарищ.

А в лицо — трехслойным матом, Можешь хоть до драки, Про себя же помни — братом Вовчик был Шемяке.

Баба, как наседка, квочет (Не было печали!) Вспоминай!!! Быть может, Вовчик "Поминай как звали".

М. Chemiakin — всегда, везде Шемякин, А посему французский не учи!. Как хороши, как свежи были мака, Из конх смерть схимичили врач.

Мишка! Милый! Брат мой Мишка! Разрази нас гром! Пожмем еще, братишка, По жи вям! Po gi viom.

Записал Даниэль Яиров.

Вот наш гениальный певец. Такой неказистый, невзрачный на вид, маленького роста, а на сцену выходит — гигант!

Кстати говоря, Марина, женщина нормального среднего роста, постоянно подчеркивала "низкост" Володы. Не знаю уж — из-за этого или нет, но как-то Володя, приехав ко мне в Париж, с огромным воодушевлением начал рассказывать о прочитанном им в журнале "Вокруг света" сообщении об острове Неиспользуемых возможностей. По его словам, где-то в океане находилась мистическая точка, где можно было добиться невозможного. Например, вырасти до ста девяти сантиметров и выше. И он всерьез предложил мне туда поехать. Выслушав его, я возражал:

— А вдруг получится так, что у тебя вырастет только нос? Или ухо? Или одна нога? Володя как-то смик и сказал: — Да, пожалуй не стоит туда ехать...

Года за полтора-два до смерти он все сетовал на какую-то безысходность, серяину, усталость от театра. Он был очень плох — болел. И физически, и морально, и психически. Во время одного такого загула в Марселе его жестоко избили. Это было во время гастрольного тура. Бывали случаи, что в Париже приходилось вызывать санитаров и ему одевали смиренную рубашку и увозили в больницу.

Наша последняя с ним встреча произошла в июне 80-го года. Приблизительно за месяц до его смерти. И без того тяжелые отношения с Мариной еще больше обострились. Незадолго до этого она увезла его на остров, в замок своей сестры и планировала пробыть там с ним целый месяц. Он очень хотел взять меня с собой, но Марина сделала все, чтобы этого не произошло. И вот, буквально через неделю, он появился у меня в Париже. Выглядел он ужасно, осунулся, сник.

— Миша, эта была самая страшная неделя в моей жизни. Я впервые

понял, что двоечество может быть страшнее одиночества. Я прекрасно помню этот день. Жил я тогда возле Сены. Стояла приятная прохладная погода. По небу плыли смешные облака, а по Сене шли небольшие кораблики. Все это напоминало Петербург шестидесятых. Я подошел к Володе и сказал: — Постараемся жить назло всем.

— Постараюсь... — ответил он. И тут подошло такси, увозящее его в никуда.

Вообще, с такси у меня была связана еще одна история.

Петербург. 1971 год. Я знал, что меня выдворят из России. В КГБ мне поставили условие, что о моем отъезде никто не должен знать — даже мои родители. И вот, прощаясь с отцом, я запомнил его садящимся в такси. В фуражке и офицерской шинели. Запомнил. И сделал для себя такой стоп-кадр. Больше я отца не видел.

С Володей произошло то же самое. Он стоял в желтой кожаной куртке и открыл дверь желтого парижского такси. Стоп-кадр. Все. Практически в тот же день я уехал в Афины и находился там в то время, когда умер Володя. Моя приятельница, знавшая его и знавшая о нашей дружбе, четыре дня не решалась сказать мне о Володиной смерти. Только потом я понял, что она меня к этому готовила. Когда она все же решила сообщить мне о кончине Высоцкого, она лишь начала говорить, — я спросил ее:

— Володя? Она заплакала и положила перед мной выпуск "Фигаро" четырехдневной давности.

Тексты малоизвестных стихов Владимира Высоцкого

"Охота на волков".

Написана после появления в советской печати статей с резкой критикой песен Владимира Высоцкого. Окончательный вариант песни был исползован в спектакле Театра на Таганке "Берегите ваши лица!"

Редчайший, практически неизвестный вариант набросков к песне:

Бьюсь из сил, из всех сухожилий, Сзади крики и бьют в барабан. Обложили меня, обложили, — Я на номер иду, как кабан.

В лоб ударит картечь из дустволки: Залп, второй — но, кажись, пронесло! Вон кругом кувыркаются волки! И спокойны стрелки, как назло.

Идет охота на волков, идет охота На серых хищников, матерых и щенков. Кричат загонщики и лают псы до раоты, Кровь на снегу и пятна красные флажков.

Жду — ударит санец из дустволки. Зря на ноги свои уповал! На снегу кувыркаются волки — Тот — подранок, а тот — наповал!

Чаще выстрелы бьют, раз за разом, Волчий блеск в их глазах не погас. Бьет дустволка с прищуренным глазом: Залп — и в сердце! Другой — между глаз!

Вон и справа флажки замелькали. Значит, выхода нет. Я готов. Мир мой внутренний запрет флажками, Тесно и наяву от флажков.

Видно, третий — в упор — меня стрелит — стрелит — Он стреляет и с правой руки.

Залп! Верчусь, как прыгун на манеже. Я напрасно готовил кляки.

Я никогда не верил в миражи, В сражающий рай не ладил чеходана. Учителей сожрало море джи И выбросило возле Магадана.

Но совысока глаза на неведж, От них я отличался очень мало. Занозы не оставил Буданешит, И Прага сердце мне не разорвала.

А мы шумели в жизни и на сцене, Мы — путники, мальчики пока! Но скоро нас заметят и оценят. Эй, против кто? Нажмем ему бока!

Но мы умели участвовать опасность Задолго до начала холодов, С бесстыдством шлохи приходила ясность И души зашпирила на засов.

И нас хотя расстреляли не косили, Но жили мы, подыать не смея глаз. Мы тоже дети страшных лет России — Безвременье вливало водку в нас.

"Я никогда не верил в миражи..."

Вариант, строфа 5, строка 2: Пустых глазниц провалил вместо глаз.

Наброски: А мы жиели в мертвящей пустоте, Попробуй надави — так брызнет гноем, И страх мертвящий заглушаем воем — И вечно правые, и люди, что в хвосте.

И обязательные жертвоприношения, Отцами нашими воспитаны не раз, Печать поставили на наше поколение, Лишили разум, и памяти, и глаз.